

КЭТРИН КОУЛТЕР
НАСЛЕДСТВО
ВАЛЕНТИНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К73

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Catherine Coulter
THE VALENTINE LEGACY

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Коултер, Кэтрин.

К73 Наследство Валентины : [роман] / Кэтрин Коултер ; [перевод с английского Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-127426-9

Назойливая девчонка Джесси Уорфилд поистине отравляла жизнь Джеймсу Уиндему не только бесчисленными проделками, но и раздражающей способностью вечно выигрывать скачки, оставляя его позади. Джеймс был уверен, что не питает к Джесси иных чувств, кроме неприязни. Но пути любви неисповедимы. И счастье иногда приходит, откуда его не ждешь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-127426-9

© Catherine Coulter, 1995
© Перевод. Т.А. Перцева, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

Глава 1

*Окрестности Балтимора, штат Мэриленд
Март 1822 года
Ипподром округа Слотер. Воскресные скачки
Последний заезд: полторы мили*

Все кончено. Сейчас он проиграет — в этом нет ни малейших сомнений. И подумать только, кому — этой наглой соплячке Джесси Уорфилд!

За спиной, совсем близко, раздавался громовой стук копыт нагонявшего их Риальто: голова вытянута, каждый мускул под блестящей от пота шкурой напряжен.

Он в отчаянии оглянулся. Риальто мчался быстрее, чем любовник, застигнутый обманутым мужем в спальне жены. Да у этого проклятого пятилетки выносливости больше, чем у восточного шаха с кучей требовательных жен!

Джеймс пригнулся как можно ниже, почти припав к шее Тинпина. Он всегда разговаривал со своими лошадьми до и после скачек, чтобы как следует оценить их силы и настроение. Добродушный Тинпин напоминал ему открытую книгу. Как большинство скаковых лошадей, он был свирепым соперником и неутомимым борцом. И так же страстно стремился к победе, как и Джеймс. И проиграл всего однажды, когда неумелый жокей огрел его кнутом. Тинпин пришел в страшную ярость и чуть не убил чертова идиота, потеряв, конечно, при этом верное первое место.

Джеймс слышал прерывистое дыхание старика Тинпина. Он, скорее, непревзойденный спринтер в скачках на четверть дистанции, так что у Риальто перед ним преимущество как в силе, так и в опыте. Тинпин скакал полторы мили всего второй раз. Джеймс пришпорил лошадь, ласково нашептывая Тинпину, что он придет первым, взяв верх над этой жалкой, ни на что не годной скотиной. Что вполне способен лягнуть Риальто, названного к тому же в честь какого-то дурацкого венецианского моста. Нужно вырваться вперед именно сейчас, иначе будет слишком поздно.

Джеймс обещал задать Тинпину лишнее ведро овса, плеснуть шампанского в его воду. Конь прибавил ходу, но этого оказалось недостаточно.

Он проиграл всего корпус. Бока Тинпина вздымались, с шеи падали хлопья пены. Воздух с шумом вырывался из легких. Джеймс взял его под уздцы и начал вываживать, прислушиваясь к стонам и воплям толпы. Он поглаживал взмыленного коня, ласково повторяя, что Тинпин — храбрый и смелый борец и обязательно победил бы, если бы в седле сидел не Джеймс, а кто-то другой. И это, вероятно, было чистой правдой, черт возьми, несмотря на то что Джеймса единодушно считали истинным волшебником во всем, где дело касалось лошадей. Некоторые даже искренне верили, будто Джеймс чуть ли не сам переносил своих коней через финиш. Ну что же, все в прошлом. Теперь вряд ли кто поверит в это...

Собственно говоря, он пришел даже не вторым, а третьим. Вслед за Риальто меловую линию пересек еще один чистокровный гнедой из конюшен Уорфилдов — четырехлетка Перл Дайвер, в последний момент обогнавший Тинпина всего лишь на голову и нагло мазнувший хвостом ногу Джеймса.

В конце концов, не столь уж тяжелый круп был у Тинпина, и, кроме того, дистанция не так велика — не

4 четыре, а всего полторы мили, и круп в данном

случае особого значения не имеет! Беда в том, что сам Джеймс весил непомерно много. Будь на спине Тинпина всадник полегче, наверняка первое место было бы за ним!

Джеймс выругался, раздраженно хлопнув по сапогу хлыстом.

— Эй, Джеймс, чтоб тебе пропасть, из-за тебя я потерял целых десять долларов!

Джеймс с низко опущенной головой вел Тинпина к конюшне, где уже ждал конюх. Услышав знакомый голос, он постарался взять себя в руки и улыбнулся зятю, Джиффорду Попплону, решительно устремившемуся навстречу с видом укрощенного, приглашенного бычка — приземистый, широкоплечий, ни унции лишнего жира. Джеймс любил Джиффа и искренне радовался за свою сестру Урсалу, сумевшую заполучить такого мужа.

— Ты вполне можешь себе это позволить, Джифф! — крикнул он в ответ.

— Разумеется, но не в этом дело, — отмахнулся Джифф, шагая рядом неспешной, ленивой походкой. — Ты старался изо всех сил, Джеймс, но чертовски тяжел для жокея и прекрасно это знаешь. Остальные жокеи весят на четыре стоуна* меньше, чем ты! Пятьдесят с лишним фунтов — чересчур большая разница!

— Черт возьми, Джифф, да ты просто гений! — сказал Джеймс, вставая в позу. — Жаль, я до этого не додумался! Мне казалось, подобное известно только знатокам!

— Ну, я много чего знаю! — объявил Джифф, ухмыляясь. — Черт, ни за что бы не поставил на тебя, если бы Урсала не настояла!

— Это отродье весит даже меньше, — вздохнул Джеймс.

— Отродье? А, Джесси Уорфилд! Это точно! Жаль, что бедняга Редкот сломал ногу во втором заезде. Вот

* Стоун — мера веса, равная 14 фунтам. — *Здесь и далее примеч. пер.*

это жокей! Ты прекрасно его обучил! Сколько он весит? Сотню фунтов?

— Девяносто! И знаешь, как он сломал ногу? Кто-то из жокеев прижал его крупом коня к дереву.

— Да, и я ужасно расстроился! Джеймс, я считаю, что кому-то пора позаботиться и ввести на скачках хоть какие-то правила. Вся эта бесконечная свалка просто смехотворна! Я читал, что в Виргинии перед самыми скачками отравили лошадь-фаворита.

— Может, это и смехотворно, — пожал плечами Джеймс, — и иногда опасно, но зато забавно, Джимф. Оставь все как есть, просто впредь не заключай пари с кем попало.

— Словно тебе не все равно! Эй, Ослоу, как поживаешь?

Ослоу Пенни управлял конным заводом Джеймса, однако в дни скачек становился главным конюхом, работавшим о том, чтобы все кони были доставлены к месту соревнований целыми и невредимыми. Джеймс называл его ходячей устной энциклопедией коневодства, и члены «Мэриленд Джоки-клуб» безоговорочно с этим соглашались. Ослоу знал родословную каждой скаковой лошади от Южной Каролины до Нью-Йорка. Кроме того, он мог назвать каждого жеребца-производителя, каждую матку и все их потомство в Америке и Британии.

Ослоу шагнул к ним, что-то рассерженно бормоча себе под нос, и осторожно взял у Джеймса поводья. Он был кривоног, костляв, и таких сильных рук Джеймс ни у кого другого не видел. На морщинистом обветренном лице светились умом и пронизательностью карие глаза.

Слегка прищурившись от яркого солнца, он воззрился на Джимффорда.

— Доброе утро, сэр. Я-то в порядке, совсем как Лилли Лу на скачках в Виргиния-Хай-Эбб. Во всяком случае, лучше, чем мистер Джеймс. Ну а ты как, парнишка? Устал, верно? Но и ты сделал все, что мог, не

то что Дауэр Кег, та кляча, которую старый Уиггинс еще выводит на скачки! Черт, я даже не помню, от кого он, вот до чего паршивая коняга!

— Ты ставил на мистера Джеймса, Ослоу?

— Только не я, мистер Попплтон, — хмыкнул Ослоу, проводя заскорузлой, покрытой вздувшимися венами рукой по шее Тинпина. — Обязательно поставил бы, если бы на малыше скакал Редкот, но мистер Джеймс слишком отяжелел, совсем как Литл Нелл, которая так разъелась, что с трудом дотащилась последней до финиша на скачках Дики в Северной Каролине.

— Как по-твоему, я справился бы лучше? — засмеялся Джиффорд.

— Взгляните на свои руки, мистер Попплтон, — пожал плечами Ослоу, презрительно сплюнув. — Прошу прощения, сэр, но у вас здоровенные тупые ручищи, совсем не то что у мистера Джеймса, у которого пальцы, словно волшебные палочки!

— Спасибо и на этом, — буркнул Джеймс. — Ну, Джиффорд, пойдем-ка к Урсуле. Надеюсь, вы не привезли с собой матушку?

Потрепав Тинпина по холке, он отошел.

— Нет, слава богу. Она пыталась отговорить Урсулу от поездки в это богопротивное место.

Джеймс рассмеялся. Улыбка еще не успела сойти с губ, когда он увидел девочку Уорфилд, шагавшую прямо к ним. Ни дать ни взять мальчишка, особенно в этой жокейской шапочке, из-под которой выбивались огненные пряди. Лицо покраснело на нестерпимо палящем солнце. На носу россыпь веснушек.

Он не хотел останавливаться, но пришлось, хотя это оказалось чертовски трудно. Конечно, лучше бы век ее не видеть, но он все-таки джентльмен, чтоб ее...

— Поздравляю, — выдавил из себя Джеймс, пытаясь разжать зубы. Она неизменно брала над ним верх с тех самых пор, когда была четырнадцатилетним

неуклюжим подростком с острыми коленками, но он так и не смог к этому привыкнуть и каждый раз с трудом удерживался от грубости.

Джесси Уорфилд, не обращая ни малейшего внимания на Джиффорда Попплтона, вице-президента балтиморского «Юнион-бэнк», решительно встала перед Джеймсом и, прищурившись, объявила:

— Вы хотели спихнуть меня в канаву на втором круге. Темно-русовая бровь издевательски приподнялась.

— Неужели?

Джесси встала на носочки, оказавшись нос к носу с Джеймсом.

— Вы прекрасно это знаете! И не пытайтесь лгать, Джеймс. Не будь я чертовски хорошим жокеем, наверняка свалилась бы! Но я удержалась в седле. Удержалась и как следует вас проучила!

— Совершенно верно, — небрежно бросил Джеймс, у которого так и чесались руки наподдать ей!

Вот и говори после этого о порядочности! Что взять с женщины! Будь на ее месте мужчина, тому и в голову не пришло бы напоминать проигравшему сопернику о неудаче. Впрочем... когда он все-таки выиграет, постарается хорошенько ткнуть ее носом прямо в грязь!

— Знаете, у вас губы потрескались, — ехидно сообщил он. — И даже с этого расстояния можно пересчитать все ваши веснушки! Одна, две, три... Господи, да на это уйдет не меньше недели!

Девчонка мгновенно отскочила.

— Попробуйте снова выкинуть такое и отведайте моего хлыста! — прошипела она и, прежде чем гордо удалиться, облизнула обветренные губы и погрозила Джеймсу.

— Но, Джеймс, — вмешался Джиффорд, — похоже, ты действительно собирался сбросить ее в канаву.

— Да, но понарошку. Просто хотел немного отвлечь ее. Но это чепуха по сравнению с тем, что она устроила мне на июньских скачках в Хэклфорде.

— И что же она сделала, это грозное создание?

— Я попытался потеснить ее немного, только чтобы проучить. Но она знает все грязные трюки! Так или иначе, девчонка немного отвела коня, как раз настолько, чтобы тот лягнул меня в ногу, притом с такой силой, что я вылетел из седла!

Джиффорд засмеялся, думая, что Джеймс все-таки довел девицу Уорфилд до точки кипения. Глядя вслед гордо удалявшейся Джесси Уорфилд, игравшей на ходу кнутом, он осведомился:

— Она выиграла те скачки?

— Нет, пришла последней. Потеряла равновесие и врезалась в другую лошадь. Началась настоящая свалка. Конечно, выглядело бы крайне смешно, если бы я не катался в это время по земле, пытаюсь защититься от копыт. Только посмотри на нее, Джифф! Выше всех моих знакомых дам, смотрит мужчинам прямо в глаза, и, глядя на нее со спины, никто не скажет, что это женщина.

Джифф вовсе не был так уж уверен в правоте Джеймса, но мог понять гнев шурина, и поэтому лишь мягко заметил:

— Она прекрасная наездница.

— Да, надо отдать должное соплячке, черт возьми!

— Кто это рядом с Урсулой?

— Еще одна дочь Уорфилдов. Их всего трое. Старшая и самая младшая абсолютно не похожи на эту негодяйку. Обе прелестны, хорошо воспитаны, настоящие леди... правда... вероятно, не совсем, но все же достаточно близки к такому определению. Это Нелда, старшая. Замужем за Браменом Карлайслом, миллионером-судовладельцем. Пойдем я познакомлю тебя. Вы, наверное, не встречались, потому что обе дочери жили с тетей в Филадельфии и приехали сюда только два месяца назад.

— Брамен Карлайсл? Господи, Джеймс, да Карлайсл старше, чем форт Мак-Генри! Он сражался еще в революцию! И был свидетелем капитуляции

Корнуоллса в Йорктауне. Древнее самой Земли! Сколько лет этой Нелде?

— Года двадцать два.

Джиффорд лишь фыркнул в ответ.

Явно раздраженная чем-то, Урсула послала в сторону мужа взгляд, обещавший неземное блаженство, если тот постарается избавить ее от Нелды Карлайсл.

Джиффорд с апломбом богатого банкира, каковым он и являлся на самом деле, галантно снял шляпу:

— Миссис Карлайсл, как я счастлив наконец познакомиться с вами!

— Взаимно, мистер Поплтон. Ах, Джеймс, примите мои сожаления по поводу последнего заезда. Джесси выиграла, хотя совершенно незаслуженно! Все дамы вокруг со мной согласились! Просто отвратительно! Уверена, отец поговорит с ней и как следует отчитает! Такое поведение недостойно настоящей леди и позор для всей семьи!

— Ваш отец, несомненно, побеседует с ней, Нелда. И вероятно, выпьет за ее здоровье лучшего шампанского! Ах, не смущайтесь, она чертовски хороша! Вам стоило бы петь ей дифирамбы, — неожиданно для себя бросился на защиту девушки Джеймс. Господи, что же он за ублюдок!

— Что вы! — вздохнула Нелда, пристально разглядывая носки туфелек. — Подумать только, жокей! Что за увлечение для молодой девушки! — И, слегка вздрогнув, добавила: — Клянусь, я не могу пойти ни к кому на чай без того, чтобы...

Джеймс, который втайне был уверен в том, что Джесси заслуживает хорошей порки, с еще большим упрямством выпалил:

— Она превосходная наездница. Вам следует быть немного терпимее, Нелда. Она просто не похожа на остальных, вот и все.

— Возможно, — согласилась Нелда, легонько касаясь затынутыми в перчатку пальцами его плеча. — Ва-

10 ша лошадь прекрасно скакала.

— Не так прекрасно, как лошади вашего отца.

— Все дело в том, что вы слишком рослый, Джеймс. Кстати, вы не приехали меня навестить. Теперь, став старой, почтенной замужней дамой, я чувствую себя гораздо свободнее, чем раньше.

Урсула тактично откашлялась.

— Что ж, Нелда, передайте привет Брамону. Нам нужно поскорее возвращаться. Мама гостит у нас до понедельника.

Теща. Джиффорд предпочел бы остаться здесь до полуночи. Его теще Вильгельмине не было равных. Джеймс, в отчаянной попытке сохранить рассудок, два года назад переселил мать из своего дома в Марафоне в очаровательный особнячок из красного кирпича на Джермен-сквер, недалеко от центра Балтимора. Тем не менее она частенько навещала Урсулу и Джиффорда, благо жила всего в миле от элегантного четырехэтажного здания, где обитали дочь с зятем, заявляя при этом, что задыхается в стенах своей крошечной убогой лачуги. Впрочем, она жаловалась непрерывно и каждую минуту пребывания в доме дочери.

Однако Нелда не подумала распрощаться и вместо этого лишь подвинулась ближе к Джеймсу.

— Надеюсь, дорогая Вильгельмина может подождать еще немного! Джеймс, мой дражайший муж упоминал о том, что вы собираетесь навсегда поселиться в Балтиморе.

— По крайней мере на этот год, — ответил Джеймс. — Кендлторп, моя йоркширская племенная ферма, в хороших руках. Марафон же, напротив, требует много сил и внимания.

— Марафон?

— Я назвал свой конный завод, вспомнив того эллинского воина, который погиб от разрыва сердца, успев перед этим добежать до Афин и рассказать о победе над персами при Марафоне. Будь у него одна из

моих лошадей, он остался бы жив после того, как сообщил радостное известие.

— Но, Джеймс, — кокетливо надула губки Нелда, — вам следовало бы выбрать другое название, что-то более достойное, легче узнаваемое. Марафон звучит как-то уж слишком по-иностранному.

— Это и есть иностранное название, — вставила Урсула, — и довольно неприятное.

— О! — внезапно воскликнула Нелда, помахав рукой. — Это Элис и Аллен Белмонд. Сюда, Элис!

Джеймс словно оцепенел. Он взглянул на Джиффа, который, подмигнув шурина, весело воскликнул:

— Добрый день, Элис! Прелестно выглядите! Белмонд, — добавил он, кивнув человеку, который женился на Элис из-за приданого и теперь пытался вытянуть у тещи как можно больше денег, что, к счастью, ему не всегда удавалось. Он старался разбогатеть на скачках, что, по мнению Джеймса, было так же сложно, как жениться на богатой девушке; впрочем, последнее Белмонду удалось довольно легко. Однако сегодня его лошадь пришла шестой из десяти.

От мрачных мыслей Джеймса отвлекли слова Белмонда:

— Я хотел бы, чтобы Соубер Джон покрыл одну из моих кобыл, Суит Сьюзи. Ваши цены высоки, Уиндем, но, возможно, дело того стоит.

— Пожалуйста, — небрежно бросил Джеймс и поскорее обратился к Элис: — Мне нравится ваша шляпка. Розовое вам идет.

Элис покраснела, как всегда, легко, словно по команде — свойство, которому Джеймс не переставал удивляться. Его так и подмывало объяснить ей, что такие вещи далеко не столь действенны, а уж на него совершенно не влияют. Но он знал Элис с детства и искренне ей симпатизировал и потому всего лишь улыбнулся, когда

12 она сказала:

— Вы так милы со мной, Джеймс, и мне ужасно жаль, что вы проиграли, но я рада, что Джесси победила. Разве она не изумительна? Я только сейчас говорила Нелде, как восхищаюсь Джесси. Она делает все, что ей вздумается, и не подчиняется власти бесконечных скучных правил!

— Но этикет специально и создан для защиты дам, — вмешался Аллен Белмонд, похлопав жену по плечу, очевидно, не слишком нежно, поскольку Джеймс заметил, как поморщилась Элис. — Им не следует жаловаться на правила.

— Да, конечно, Джесси поступает так, как угодно ей, — согласилась Урсула. — Пойдем, Джеймс, нам пора. Нелда, передайте мужу наше почтение. Элис и Аллен, желаю хорошо провести день. Увидимся завтра в церкви.

Джеймс улыбнулся Нелде, поспешно шагнувшей к нему навстречу.

— От меня пахнет, как от взмыленного коня, поэтому вам лучше держаться подальше. Если увидите отца, передайте, что сегодня я буду в его конюшнях с бутылкой лучшего кларета, хотя уверен, что он уже на это рассчитывает. Пусть злорадствует сколько душе угодно.

— Вы и мой отец по-прежнему пьете вместе?

— Когда я выхожу победителем, он появляется в Марафоне с бутылкой шампанского.

— Но в таком случае, — заметила Элис, — вам следует привезти кларет Джесси. Именно она сегодня победительница, а не ее отец.

— Но это его конюшня, — возразил Джеймс, жалея, что здесь нет соплячки, — по крайней мере можно было бы снова пересчитать ее веснушки. Это в два счета отбило бы у нее охоту открывать рот в присутствии старших.

— Я все расскажу матери, — пообещала Нелда. — Отца в последнее время почти не вижу. А что касается Джесси... к чему нам встречаться? Не правда ли, она ужасно странная? И я не согласна с Элис, что бы она ни говорила. Дамам необходим этикет, иначе что ста-

ло бы с цивилизацией?! И очаровательные джентльмены нужны, чтобы защищать нас, наставлять, ободрять и...

— Какой длинный список, — пробормотала Урсула, нетерпеливо сжимая руку мужа. Джеймс, чистосердечно считавший Джесси самым неестественным и неприятным созданием противоположного пола, торопливо вступился:

— Она вовсе не такая уж странная, Нелда. И кроме того, Джесси — ваша сестра. Не расстраивайтесь и до свидания. Джифф, увидимся завтра.

— Мама тоже будет в церкви, — мрачно напомнила Урсула, хотя ее глаза лукаво сверкнули.

— Что ж поделаешь, — пробормотал Джеймс и, самоуверенно усмехнувшись, начал пробираться сквозь редющую толпу.

— Ну, — объявила Нелда Карлайсл, сияя ослепительной, как полуденное солнце, улыбкой, — и мне тоже пора. Урсула, надеюсь, теперь, когда мы обе стали замужними дамами, будем видеться почаще. Возможно, я выберусь навестить тебя! Мне в конце концов удалось убедить мистера Карлайсла купить очень милый городской особняк на Джордж-стрит. Это довольно близко от твоего дома, не так ли?

— Да, — согласилась Урсула, при этом со злостью подумав: «Я немедленно перееду на Феллз-Пойнт, если ты появишься в городе, Нелда. Была б ты немного поделкатнее, заигрывая с моим бедным братом! О господи, какой громкий скандал разразится, если Нелда умудрится подцепить Джеймса на крючок! Нет-нет, брат никогда не охотится в чужих угодах!»

Урсула и Джифф молча наблюдали, как Нелда наклоняется к Элис, которая была гораздо ниже ростом, кладет руку на ее рукав и что-то говорит, а потом мило улыбается Аллену Белмонду, хотя, насколько знала Урсула, она терпеть его не может.

14 — О чем ты думаешь, Урс?

— Я? О, всего лишь о том, что Феллз-Пойнт — престное местечко.

— Ты там была недавно?

— Нет, просто поверь мне на слово.

Глава 2

Если бы лорд Дерби в 1780 году не угадал, какой стороной упадет монета, возможно, сейчас это называлось бы Кентукки Банбери.

Исторический анекдот

Светила огромная круглая луна. Сейчас, в конце марта, погода была довольно теплой — лишь легкий ночной ветерок шелестел в ярко-зеленой весенней листве, только что распустившейся на огромных старых дубах, росших вдоль подъездной аллеи фермы Уорфилдов.

Джеймс трусил рысцей на Соубер Джоне, жеребце таком же сером, как оловянная чаша великолепной работы, украшавшая обеденный стол в гостиной, насвистывая при этом английские политические куплеты, с год назад сочиненные Дачесс*. Дачесс, иначе говоря, графиня Чейз, одна из английских Уиндемов, была неиссякаемым источником новых и весьма остроумных идей. Впрочем, это не удивительно, если учесть полнейшее безумие Георга IV и невыносимый идиотизм британских политиков, постоянно снабжавших ее невероятно скандальными сюжетами. Кроме того, и мелодия оказалась запоминающейся и, конечно, довольно лихой.

Джеймс улыбнулся, представив, как Маркус Уиндем, граф Чейз и муж Дачесс, лежа в ванне, поет во весь голос куплеты ее сочинения, а горничные, пробегая по кори-

* Героиня книги К. Коултер «Наследство Уиндемов» по прозвищу Дачесс — герцогиня.